

Аркадий и Борис

СТРУГАЦКИЕ

Аркадий и Борис
СТРУГАЦКИЕ

**ПИКНИК
НА ОБОЧИНЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С87

Предисловие *Александра Прокоповича*

Иллюстрация на обложке *Галины Фадеевой*

Стругацкий, Аркадий Натанович.

С87 Пикник на обочине : [повесть] / Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 224 с. — (Стругацкие (Яндекс)).

ISBN 978-5-17-188995-1

После визита пришельцев на Земле образуются Зоны — области, полные необъяснимых аномалий, смертельных ловушек и загадочных, но нередко полезных артефактов. Довольно быстро вокруг собираются сталкеры — мужественные и бесшабашные люди, которые раз за разом рискуют жизнями, отправляясь в Зону — зачастую незаконно — за очередным «хабаром».

Пожалуй, в истории современной мировой фантастики найдется не так много произведений, которые оставались бы популярными столь долгое время, как «Пикник на обочине». Повесть послужила основой культового фильма Тарковского «Сталкер»; через три десятилетия появились не менее культовая компьютерная игра с тем же названием и целая серия повестей и романов, написанных с использованием мира «Пикника».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий, наследники, 2026
© ООО Яндекс Книги, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Александр Прокопович
ТАЙНА СТРУГАЦКИХ

Александр Прокопович — писатель и сценарист, преподаватель литературного мастерства. Главный редактор издательства «Астрель-СПб», курирует в том числе выпуск современной фантастики.

В истории русской литературы это единственная книга, которая вызвала такое количество продолжений, иногда альтернатив. А ведь еще есть игры и знаменитая экранизация.

Почему?

Что в «Пикнике» есть такого, чего нет даже в других книгах самих Стругацких?

Чтобы вам ни сказали критик или знаток жанра, покупая том фантастики, читатель ждет не встреч с инопланетянами. Не приключений на далеких звездах. И даже не ужасов глубокого космоса.

Всё так и не так. Читатель ждет встречи с невымыслимым, но настоящим. С тем, во что он поверит, про что он сможет прошептать: да, так оно и есть на самом деле.

Стругацкие — авторы, которые писали о том, что есть на самом деле, о реальности, в которую хочется

верить. Даже не так. О реальности, без которой жизнь не так хороша.

Как они это делали?

И почему «Пикник на обочине» остается фантастикой номер один?

Есть разные приемы и методы создания фантастических текстов. Но все начинается со знаменитого фантастического допущения, если проще — с придумывания чуда. Ведь любая фантастика — это чудо, а без чуда зачем?

Стивен Кинг подводит к нему постепенно, смущая читателей тем, как одни детали реальности постепенно перестают стыковаться с другими.

Айзек Азимов шаг за шагом выстраивает миры. Так подробно, что уже и не понимаешь, что они фантастические.

Стругацкие... берут читателя за шкуру и впечатывают в иную реальность с такой силой, что просто невозможно не поверить в нее.

Они не спрашивают разрешения и не пытаются соблазнить, они не играют в сложности перехода между настоящим и вымыслом, просто читатель уже полностью во власти книги, на него обрушиваются странные люди и мир, в котором есть не только загадочная «пустышка», но и еще более таинственная полная «пустышка».

Есть «ведьмин студень», и есть Золотой Шар. И каждый из артефактов, оставленных пришельцами, реален до ощущения тяжести в руках.

Читатель только что сидел с книгой и был уверен, что самая большая неожиданность, которая может произойти, — изменения в погоде. Но вначале куда-то дается время. «Пикник» безжалостно похищает

часы: только ты начал читать, а вечер давно кончился, на дворе ночь, и ты все еще пытаешься понять — нет, не куда делось время, а как жить дальше, без этого мира.

Эскапизм всегда был одним из мотивов чтения фантастических романов. И неважно — это миры счастливого будущего или мрачного «когда-угодно». Важно, чтобы в этот мир было зачем убежать. Мир «Пикника» жесток, Зона убивает и калечит, но именно там — где легче умереть, чем выжить, — есть надежда. Шанс для чуда. За многие годы так никто и не смог сочинить ничего лучше слов героя книги Рэдрика Шухарта: «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!» Есть надежда, что когда-нибудь именно так все и будет. Кто из нас не готов подписаться под этими словами, которые в СССР стали важнее легендарной триады «*Libertas, aequalitas, fraternitas*»?*

«Пикник на обочине» действует как безжалостный вирус: попав в организм, он не оставляет ни одного шанса.

Почему?

Не просто чудо, но чудо, реализованное с помощью совершенно заоблачного количества идей. Если бы кто-то начал вычислять количество идей в текстах — единицу измерений стоило бы назвать «Стругацкие». И если «Пикник» соответствует единице, то редко какой роман дошел бы до одной десятой.

Знаменитая Зона насыщена артефактами, и это не просто какие-то странные названия, а загадки с несколькими уровнями понимания, и вот тут мы при-

* Свобода, равенство, братство (*лат.*).

ближаемся к главному — к искусному включению читателя в процесс сотворчества.

Мы не просто читаем, мы начинаем фантазировать, достраивать, допридумывать, а братья Стругацкие останавливаются в своих описаниях в точности в тот момент, чтобы не рассказать слишком многое, чтобы не остановить фантазию читателя.

Совершенно буднично в тексте появляется «смерть-лампа». Как? Как можно не начать сочинять, что это вообще такое и чем опасно?

Как не ужаснуться «ведьминому студню»? Как не дофантазировать его в любом заброшенном переулке?

Замечали? В любом хорроре наступает момент, когда становится вообще не страшно. Это происходит тогда, когда автор наконец-то показывает чудовище. Только что было так интересно, кто же это скрывался под кроватью, но сейчас, когда рассматриваешь все эти клыки, чешуйки и когти, — уже не страшно. Ужас, но не «ужас-ужас». В «Пикнике» такого не будет. Страшно и захватывающе будет не то что до конца книги, но и после того, как она уже будет закрыта и поставлена на полку.

Читатель остается сотворцом. Большая часть «Пикника» — это не то, что на бумаге. Это то, что авторы запрограммировали сочинять своих читателей. Каждый читатель «Пикника» становится его соавтором. Виртуальная реальность? Вот она — в чистом виде.

Количество придуманного Стругацкими в «Пикнике» настолько велико, что оно просто не могло не заставить десятки авторов, сценаристов, художников продолжить мир этой великой книги.

Открою тайну. Большинство писателей довольно плохо создают что-то новое. Часто целые циклы строятся на одном-единственном акте создания. Знамени-

тый «Солярис» Станислава Лема содержит один фантастический факт: есть разумный океан, который почему-то занимается тем, что исследует людей в своеобразной манере то ли маньяка, то ли врача-психиатра.

Всё.

Великий Артур Кларк, кажется, умышленно старался себя ограничивать: не больше одной фантастической идеи на один текст.

Стругацкие придумывают щедро и легко, как будто идеи для них — побочный продукт. Но каждая их идея материализуется в предметы и героев. Становится вещественной.

Если когда-нибудь появится религия Посещения Земли инопланетянами, то уже есть священная книга и имена пророков.

Да, это «Пикник».

Что нужно, чтобы человек, который что-то придумал и не поленился рассказать, стал пророком? Чтобы ему поверили.

Споры вокруг «Пикника на обочине» — это не дискуссии литераторов. Тысячи читателей разных поколений спорят о верном маршруте к Золотому Шару и о том, откуда на самом деле брались мертвецы, и главное — а что такое Зона? Так можно спорить только о том, во что веришь безусловно, что вызывает любые вопросы, но не сомнения в существовании.

В каждом достаточно большом тексте квалифицированный читатель может найти что-то важное именно для себя. «Пикник» — небольшой текст. Сами авторы даже не были уверены, роман это или повесть. Штука в том, что объем текста измеряется не столько количеством слов, сколько количеством событий. Человеческий мозг так устроен, что вообще не фиксирует физические характеристики текста. Мозг не уме-

ет взять линейку и измерить корешок, не забыв про толщину бумаги.

Центральный процессор человека видит только то, что происходит на эмоциональном и событийном уровне.

И вот тут оказывается, что «Пикник на обочине» — огромен. Он протяжен во времени. Ведь речь идет о жизни целого поколения. Он о судьбе мира, который изменился и уже не будет прежним. О героях, которых довольно трудно разделить на главных и второстепенных. Главных точно двое. А может, и трое. А может, и четверо...

А еще это, конечно, роман-апокалипсис. Собственно, в русской литературе это первый «постап». И, как и все, что делали Стругацкие, он особенный.

Апокалипсис произошел, но у соседей. Можно жить в паре километров спокойно и хорошо. Можно построить целый институт и спокойно изучать то ли Посещение, то ли Пришествие. Можно создать бизнес, побочным свойством которого будет здоровье детей. Есть чем заняться спецслужбам. И, конечно, — традиционное для Стругацких — а что будет с людьми, если их немного поменять? Они останутся людьми? Или это уже будет кто-то другой? А если другой — что с этим делать?

Множество писателей-фантастов придумывали миры после конца света. И каждый раз они всё выстраивали на том, что у человеческой цивилизации чего-то не будет. Электричества, вайфая, полетов в космос, а может, просто дождя... И только Стругацкие сумели подойти иначе. А что будет с людьми, если у них не забирать — если им давать? К примеру — вечный источник энергии. Как они? Справятся?

И неожиданно мы видим, что это текст про искушение. В большой литературной традиции все достаточно просто и предсказуемо. Дьявол предлагает человеку дары и, разумеется, обманывает, не обозначив пункты контракта, написанные мелким шрифтом. Дальше — либо тут все и закончилось, либо герой придумывает, как в свою очередь обмануть дьявола. И это заставляет автора играть в поддавки, так как обмануть отца лжи по определению невозможно.

Стругацкие развернули правила игры, которая ведется с момента возникновения христианства. Они не ставили вопрос, как обмануть дьявола, как справиться с искушением. Они решили выяснить, что же происходит с человеком, который оказался в этой сделке, хотел он того или нет. Остается ли он прежним? Кто он теперь? Он все еще человек?

В детстве меня Стругацкие и, разумеется, «Пикник на обочине» раздражали. Мне хотелось ответов. Мне не хватало определенности. Если случается что-то неизвестное — скажите, кто виноват, и будьте любезны предоставить каждый винтик чуда.

Загадки были так притягательны, что простить отсутствие разгадок было невозможно. Но Аркадий Натанович и Борис Натанович оказались несколько взрослее той фантастики, к которой я тогда привык. Им было не столько интересно «что», им было интересно «как», но и это не все.

В текстах Стругацких много про учителей. Особенно в поздних произведениях. Если отбросить педагогику и посмотреть на воспитание отрешенно, то мы удивимся тому, что воспитание — это превращение. Чудо. Было одно, стало другое. Помните всевозмож-

ные магические академии? Это все отсюда, от превращения как обучения.

Стругацкие делают еще один шаг. Никаких пособий, учебников, никаких домашних заданий. Они переворачивают доску. Чтобы научиться новому — надо стать другим. Не обучение меняет тебя, а то, что ты становишься другим, тебя обучает.

Так работают и книги Стругацких. Чтобы что-то вынести, приходится самому находить отгадки, самому их проживать и становиться другим.

Никто-никто не знает достоверно, как действует книга на человека. Можно быть счастливым обладателем роскошной библиотеки и одновременно серийным убийцей, можно так и не освоить грамоту — и остаться прекрасным человеком. Но. Книга — это инструмент. «Пикник на обочине» — инструмент, изготовленный многими миллионами копий, переведенный на массу языков от китайского и эсперанто до английского, немецкого и французского. Мы абсолютно точно живем в мире, по которому прошелся «Пикник». Начиная с 1971 года мы все участвуем в огромном эксперименте «Что будет с читателем, если он прочитает „Пикник на обочине“»?

Какая «Зона» появится в его воображении, что он придумает пожелать, оказавшись перед Золотым Шаром — предметом, который может выполнить только самое сокровенное желание?

Стругацкие не отвечают на вопросы, они их ставят. Отвечать нам.

Ты должен сделать добро из зла,
потому что его больше не из чего
сделать.

Р. П. Уоррен

Из интервью, которое специальный
корреспондент Хармонтского радио
взял у доктора Валентина Пильмана
по случаю присуждения последнему
Нобелевской премии по физике
за 19.. год

— ...**В**ероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана?

— Полагаю, что нет. Радиант Пильмана — это не первое, не серьезное и, собственно, не открытие. И не совсем мое.

— Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана — понятие, известное всякому школьнику.

— Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его «Истории Посещения» — там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые школьник, опубликовал координаты впервые студент, а назвали радиант почему-то моим именем.

— Да, с открытиями происходят иногда удивительные вещи. Не могли бы вы объяснить нашим слушателям, доктор Пильман...